

Светлана Кекова

Светлана Кекова – лауреат литературных премий, в том числе премии им. Аполлона Григорьева, премии журнала «Новый мир» «ANTOLOGIA», Новой Пушкинской премии, премии 12-го Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2021), Патриаршей литературной премии им. свв. Кирилла и Мефодия (2023). Автор 18 поэтических книг, трёх литературоведческих монографий и более 80 статей, посвящённых творчеству поэтов-обэриутов, Н. А. Заболоцкого, А. А. Тарковского, В. Ф. Ходасевича, В. В. Набокова, Ф. М. Достоевского, философов Ф. А. Степуна и С. Л. Франка и др. Член Союза российских писателей. Живёт в Саратове.

ЩЕГОЛ

Я, вступившая в мамин посмертный возраст,
вдруг да вспомню вечером, как она
посыпала сахарной пудрой хворост
и стирала скатерти изо льна,

огурцы с грибами солила в кадках –
были эти хлопоты ей близки,
шила детям платьица в лёгких складках
и вязала варежки и носки.

Было разных дел и забот немало,
не кончался вечером день её,
и сияло в панцире из крахмала
на шершавой полке в шкафу бельё.

Есть у быта русского сонмы пленниц,
несть и русским мученицам числа,
но она – смиренница из смиренниц
так светло и ясно свой крест несла.

Ей печаль
открыла свои объятия,
а болезнь
в свою занесла графу,
и всего одно выходное платье
много лет висело в её шкафу.

И когда ушла из земного плена
птица светлая об одном крыле,
в День святого
мученика Гермогена
мы предали тело её земле.

Я возьму засохшего хлеба крошку,
что она когда-то давно пекла,

и надену варежку на ладошку,
на которой жив силуэт щегла.

И, как будто празднуя именины,
запоёт в конце февраля щегол,
и икона мученицы Антонины
увенчает наш поминальный стол.

* * *

Ведёт дорога туда, где много
впустую прожитых мною лет.
«В пустыне трудно не верить в Бога», –
сказал когда-то один поэт.

Он был любитель вина и пиццы,
а летом ягоды рвал с куста.
Еду ему приносили птицы
в дни мясоеда и в дни поста.

Кормили, словно Илью-пророка, –
и птичьи бились в груди сердца...
А он рассказывал им про Блока,
про Льва, про Ангела и Тельца.

А было ли у поэта имя,
не ведают Гумилёв и Блок,
но каждый ищет свою пустыню,
в которой должен явиться Бог.

* * *

Одуванчик в поле –
поседевший инок –
отпустил на волю
облако пушинок.

Вот летит пушинка
высоко-высоко,
а внизу – кувшинка,
таволга, осока.

То улитка в клетке
движется неловко,
то замрёт на ветке
Божия коровка.

А в колючей хвое –
пауков палатки...
Но пушинка – что ей
наши неполадки?

В небе веселее,
есть во что одеться:
облако белее,
чем душа младенца.

«Да, в земной юдоли
нет завидней доли», –
шепчет облысевший
одуванчик в поле...

* * *

Олеся Николаевой

Чем мысль отчётливей, чем чувство горячей,
тем больше мы найдём разгадок и ключей,
предчувствия и сны свои откроют тайны,
мы вникнем в мятежи и Польши, и Украины,
в их безобразный бунт и злое бесовство
и собственных страстей познаем естество.

Мы будем верить в то, что этот морок сгинет...
Но если в суете любовь твоя остынет,
мысль затуманится, душа уйдёт в полон –
уныньем и тоской ты будешь опалён.
Одумайся, душа! Отвергни бремя сытых
и вспомни о других – обманутых, убитых,
об огненных словах, забытых впопыхах,
опомнись – и заплачь о собственных грехах.

Но нравится душе блуждать по бездорожью,
согласия искать меж истиной и ложью
и тело на себя, как пыльный плащ, надеть,
чтоб танго танцевать и в зеркальце глядеть.

* * *

Птица пролетит, как тень разлуки...
Ты узнаешь детский наш секрет:
терпит тело родовые муки
в час, когда душа рождает свет.

Тополь в одеянии просторном
тянет руки к облачной гряде,
Млечный Путь искрится в небе чёрном,
лунный серп блестит в речной воде.

А когда-то было всё иначе:
спал Адам, земля была гола,
как ребёнок, заходилась в плаче
мир под тенью птичьего крыла.

В ожиданье глада, мора, труса
тучи затевали разговор,
но, как пламя, Тело Иисуса
засияло на горе Фавор.

Пётр смотрел, закрыв лицо руками,
не смыкая воспалённых вежд,
как, пренебрегая облаками,
трогал ветер ткань Его одежд.

Там, внизу, сужалась бесконечность,
втягивая мира круговерть,
и стоял Христос у входа в вечность,
крестной мукой побеждая смерть.

* * *

Миску с красною чечевицею
снова жадно схватил Исав –
и Россия с её столицею
Богом взвешена на весах.

И бесстыжие, безобразные
бесы вновь сорвались с цепи –
кони рыжие, кони красные,
кони мечутся по степи.

Сердце сделалось белой птицею
и, рыдая, летит на юг...
Убивают Царя с Царицею,
и Детей их, и верных Слуг.

В дни июльские, в дни январские
стала красной, как кровь, заря.
Если б были мы слуги царские,
мы б спасли своего Царя.

Штык наточен, и ямы вырыты,
спит Россия во власти тьмы,
и её убивают Ироды,
а в убийстве виновны мы.

Мы заплатим за всё сторицею,
чтоб душа не была пуста...
Как нам жить без Царя с Царицею,
без молитвы и без креста?

* * *

Александр Казину

Снег лежит на деревьях, не тая.
Огоньками мигают такси...
И мерещится Русь Золотая
нам, зачатым в Железной Руси.

Мы теперь не Обломовы – Штольцы,
Но крещёные наши отцы –
богомольцы тире комсомольцы,
комиссары тире чернецы –

спят в земле, словно в братской могиле,
под покровом сияющей тьмы
и не ведают, как их любили
и как их ненавидели мы.

Мы – наследники тьмы и сиянья –
купола различаем вдали
и целуем в слезах покаянья
антиминс драгоценной земли...

* * *

Памяти Р. Х. Измайлова

В небе облако белее,
чем январский снег.
Вдоль каштановой аллеи
ходит человек.

Созерцая листьев алость,
дышит их огнём...
Детство, юность, зрелость, старость –
всё смешалось в нём.

Листья, словно снег, заносят
мёртвую траву.
В золотую эту осень
человек у Бога спросит:
– Так ли я живу?

Пусть листва раскинет полог:
гол я как сокóл.

Хлеб мой горек, путь мой долог,
жребий мой тяжёл.

Но Господь ему ответил
в шелесте листвы:
– Хлеб твой сладок, путь твой светел,
помыслы чисты.

И звезды ты станешь ярче,
над землёй летя.
Ничего не бойся, старче,
юноша, дитя.

И легли сквозные тени,
как призыв благой,
и умолкло шелестенье
листьев под ногой,

и они, горя и тлея,
сбились в пёстрый ком
там, в каштановой аллее,
в парке городском.

ИКОНОПИСЕЦ

Венчает небо украинский місяць,
а где-то рядом пасть открыл дракон...
Личины адописанных икон
упрятал под левкас иконописец.

Закрыв глаза, он убегает прочь,
подобно колдуну из «Страшной мести».
Тиха, глуха украинская ночь,
и всё идёт по плану, честь по чести.

Не знаю, кем придуман этот план
и кто навёл на лик иконы глянец –
католик, осторожный польский пан
иль грубый атеист-американец?

И в царстве искажений и подмен
одели вора в красную рубаху,
чтоб он смотрел, как хлещет кровь из вен
святой Руси, отправленной на плаху.

